

Н. С. Лесков.

Николай Гаврилович Чернышевский в его романе "Что делать?"

(ПИСЬМО К ИЗДАТЕЛЮ "СЕВЕРНОЙ ПЧЕЛЫ")

Черт не так страшен, как его рисуют!

Роман Н. Г. Чернышевского "Что делать?" кончился в майской книжке "Современника". Русская критика теперь занята: она думает, что ей делать с этим "Что делать?"

Кто читал самый роман и кого занимают отзывы, которые он должен вызвать у современной добросовестной критики, тот, разумеется, не станет искать этих отзывов в "Северной пчеле". Он станет искать их в так называемых **толстых журналах**, потому что в толстых журналах есть свои присяжные критики и в этих журналах места пропасть. Критику там можно разгуляться и тоску-скуку свою разогнать.

Но я, должно быть, не стану читать ни одной критики о романе г. Чернышевского. Этот труд для меня совершенно не нужен, потому что я чувствую, что о нем напишут в том или в другом из русских журналов. Это я чувствую не только потому, что я знаю симпатию и антипатию русских журналов, но и потому, что я даже слышал уже кое-что об этом романе, от тех самых, которые критики пишут. Это ведь вовсе не секрет, да и о романе Чернышевского толковали не шепотом, не тишком, - во всю глотку в залах, на подъездах, за столом г-жи Мильбрет и в подвальной пивнице Штенбокова пассажа. Кричали: "гадость", "прелесть", "мерзость" и т. п. - всё на разные тоны.

Вследствие всех многообразных соображений, комбинирующихся по поводу прочитанного романа, выслушанных толков и ожидаемых рецензий, я решился как можно поскорее сказать свое мнение о романе г. Чернышевского, или, лучше сказать, о г. Чернышевском в его новом произведении.

Над торопливостью моею нисколько не должно смеяться, ибо я вовсе не считаю моего отзыва о г. Чернышевском ни особенно верным, ни особенно необходимым, а спешу его написать, не читав еще ни одной критики, для того, чтобы написать мое **собственное мнение**, ни от кого не занятое, и никем не навязанное насильно, по системе новейшего либерализма.

Имея в виду сказать здесь только мое **собственное** мнение, которое может очень мало согласоваться с мнениями "Северной пчелы" или даже, может быть, вовсе с ними не согласоваться, я пишу не статью, а простое письмо, за которое "Северная пчела", разумеется, не принимает никакой ответственности.

Я не утомлю читателя, ибо все, что я намерен написать о романе г. Чернышевского, очень коротко и несложно.

У меня создались два главные убеждения, от которых я не могу отрешиться и которые здесь высказываю.

Роман г. Чернышевского - явление очень смелое, очень крупное и, в известном отношении, очень полезное. Критики полной и добросовестной на него **здесь и теперь** ожидать невозможно, а в будущем он не проживет долго.

Я не могу сказать о романе г. Чернышевского, что он мне **нравится** или что он мне **не нравится**. Я его прочел со вниманием, с любопытством и, пожалуй, с удовольствием, но мне тяжело было читать его. Тяжело мне было читать этот роман не вследствие какого-нибудь предубеждения, не вследствие какого-нибудь оскорбленного чувства, а просто потому, что роман странно написан и что в нем совершенно пренебрежено то, что называется **художественностью**. От этого в романе очень часто попадают места, поражающие своей неестественностью и натянутостью; странный, нигде не употребленный тон разговоров дерет непривычное ухо, и роман **тяжело** читается. Автор должен простить это нам, простым смертным, требующим от беллетристов искусства **живописать**. Роман г. Чернышевского со стороны искусства ниже всякой критики; он просто смешон. И лучшая половина человеческого рода, женщины, к которым г. Чернышевский обращается, как к чувствам, оказывающим более сметливости, чем обыкновенный "проницательный читатель", не могут переварить женских разговоров в новом романе.

Но г. Чернышевский не беллетрист; на изготовление романа его вызвали обстоятельства, от него не зависящие: потребность деятельности и